

**Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по русской литературе
2020-2021 учебный год**

11 класс

Время выполнения – 5 часов
Максимальное количество баллов - 90

Аналитическое задание

Напишите эссе в форме анализа предложенного произведения. Озаглавьте эссе.

В ходе анализа вам предлагается ответить на следующие вопросы: как соотносятся воображаемый (романтический) и реальный образ героини; определите экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку в рассказе; как развязка выражает отношение автора к описываемым событиям?

Игорь Сахновский

Быть может

В школе все нормально влюблялись в одноклассниц или в крайнем случае в учительниц. То есть по месту учебы. А этого мальчика угораздило влюбиться в кино. Он увидел ее на экране, в дрянном фильме про «школьные годы чудесные» – и захотел, чтобы киносеанс вообще не кончался. Она не отличалась ничем особенным: тихая русая девочка в очках, с негустой челкой. И симпатизировал ей один лишь плюгавый троечник, которому она отвечала товарищеской заботой о его слабой успеваемости. Это по фильму. А по жизни получалось, что такое вот невзрачное сокровище, милая серая мышка, нечаянно вскружило голову мальчику с периферии. Кстати, вовсе не троечнику, а возможно, даже потенциальному принцу.

В городе, где он жил, имелись два кинотеатра плюс четыре дома культуры. И по высшей воле кинопроката картина планомерно переходила из одного полупустого зала в другой, а следом за ней плелся влюбленный мальчик, лелея в кармане деньги на билет, сэкономленные за счет школьных завтраков. В общей сложности он успел посмотреть фильм двенадцать раз – но даже не запомнил сюжет. Зато он увидел чернильную родинку возле губ и мягкую застенчивость жеста, когда она поправляла белую вязаную шапочку, закрывая уши на морозе.

Иногда она выглядела бледнее обычного (наверно, не выспалась). Иногда приветливей, чем нужно, обращалась к своему троечнику (прилип, как банный лист)... И каждый новый просмотр окрашивался беспокойством: «Как же она там – до сих пор без меня?»

Она убегала по свежей слепящей лыжне вместе с киношными одноклассниками, еще не зная своей судьбы. А снизу выползали титры с путеводной подсказкой: «В роли Насти – Лена Литаева».

Декабрьским вечером потенциальный принц дождался густых фиолетовых сумерек и покалечил фотоафишу у кинотеатра «Мир», вырезав из нее дорогой образ, который доверил совершенно секретной тетради в клетку.

Наконец картина отмерцала, ушла с экранов – а мальчик остался.

Новый год затевался еле-еле, как отсыревший бенгальский огонь, и было не жалко отдать хоть десять Новых годов за возможность просто сесть в поезд, по-взрослому независимо, доехать до столицы (где же она еще может жить?) и поскорей отыскать эту девочку, дать ей знать о своем существовании.

Нет, он был не настолько наивен, чтобы везти свою любовь, как долгожданный гостинец, как ценную бандероль. Но сама возможность, то есть невозможность, такой поездки вдруг стала заглавным, потрясающим событием, которое, между прочим, не обязано было случаться. Как совсем не обязателен мираж взрослой любви посреди тошнотворной пустыни, именуемой «школьные годы чудесные». Их предстояло еще превозмогать невыносимо долго. И, забегая вперед, сразу скажем – никуда он поехать не смог, этот влюбленный семиклассник. А чувств его хватило, безо всякой подпитки, на целых полгода. Ведь, наверно, чувствам, если они живые, надо хоть чем-то питаться, кроме смятой картинки в секретной тетради.

На этом, собственно, можно было бы считать историю законченной, если бы не звонок по телефону, спустя двенадцать лет, из ледяного номера московской гостиницы, где неузнаваемо взрослый, неменяемо трезвый персонаж избывает время служебной командировки, затянувшейся до почти полного замерзания. Почему он вдруг вспомнил?.. Я представляю беспризорное падение пороховой пылинки в пересушенный валежник, снайперски точный солнечный укол, крошечную вспышку и – через час-другой – пожарную панику егерей среди огненных лесных соборов...

Так или иначе – он вспомнил! И поразился неравенству между собой и собой. Стоило так тосковать, погибая от желания попасть в этот недостижимый город, чтобы, начерно прожив двенадцать минут экранного времени, очнуться в центре Москвы на жестяной простыне с клеймом и содрогнуться от собственной трезвости.

Он снял казенную трубку и набрал 09.

«Тридцать седьмая слушает...» Да уж, такие числа не делятся ни на что. Только сами на себя. «Будьте добры, квартирный телефон Литаевых».

- Вторая буква «Евгений»?
- Нет. Вторая буква «Игорь».
- Адрес?

Спросила бы чего полегче. Но без адреса она не скажет – не положено. И тут с внезапным азартом он исполнил жалостную песню «Мы сами не местные», то есть прямо с Урала, замерзаем у «трех вокзалов», близких никого нету, кроме Литаевых. Нашего деверя семья. То есть шурина. Девушка, дайте всех – кто есть!

Видимо, спето было неплохо. Потому что суровая тридцать седьмая, вздохнув, продиктовала ему сразу четырнадцать номеров.

Теперь у простуженного командировочного появилось занятие, от которого он, кстати, не ждал абсолютно никакого результата.

Первый номер по списку – короткие гудки. Перезвоним позже. По второму – трубку сняли немедленно, словно ждали звонка. «Да», – сказал тихий прозрачный голос. Она только произнесла «да», и уже не было никаких сомнений. Но все же: «Вы – Лена?» Мог бы и не спрашивать.

- Вы та Лена, которая в «Зимних каникулах» снималась?
- Да. Это я. А что вы хотели?

А действительно, чего он хотел? И что вообще ей сказать? Об этом он не успел подумать ни тогда, в седьмом классе, ни тем более сейчас. И по какой-то дурацкой инерции исполнил еще один куплет про «не местных» – они вроде бы только ради этой встречи и прибыли сюда со своей Камчатки.

- Я сейчас иду на работу. Может быть, вечером...

Она уже, оказывается, ходит на работу. Вечером – замечательно. Где ей будет удобно.

- Знаете кинотеатр «Мир» на Цветном бульваре?

Еще бы он не знал кинотеатр «Мир»! Других названий, кажется, в природе не существует.

– Вы меня видели где-нибудь, кроме фильма?.. Значит, вы меня не узнаете. Я буду в пестрой шубке.

...К вечеру потеплело и пошел снег. Она увидела его раньше, чем он ее, – совершенно незнакомая, симпатичная молодая женщина в меховом капоре. Незамужняя воспитательница детсада, и думать забывшая о всяких там съемках, куда она попала девочкой случайно, практически с улицы.

Уже на третьей минуте знакомство вошло в русло непринужденной болтовни о чем угодно. В озабоченной заснеженной толпе возникла празднично гуляющая парочка. Кавалер не нашел ничего развлекательней, чем описать вкратце историю своего школьного сумасшествия на киношной почве. Дескать, бывают же курьезы. Дама выслушала участливо и осторожно поинтересовалась: жива ли еще та бесценная реликвия, огрызок покалеченной афиши? Он признался, что жива, умолчав о том, что

фотография давно уплыла в коллекцию младшей сестренки, собирающей «артистов».

Потом они угодили ненароком на индийский фильм, где было чем заняться – например, читать угрожающим шепотом садистские стишки, кто больше вспомнит: «Петя хотел поглядеть на систему – теперь его можно наклеить на стену!» И прыскать, сдерживая хохот, и стучаться горячими лбами. От нее пахло мокрым мехом и польскими духами «Может быть». Они так неприлично ржали, что растроганные болельщики Зиты и Гиты чуть не выгнали их из зала. Да они и без того сами вскоре ушли, потому что придумали сварить глинтвейн в гостиничных условиях посредством кипятильника.

И в его одноместный номер они легко проникли, не замеченные сторожевой гостиничной теткой (отлучилась как нельзя вовремя), и то, что они обозвали глинтвейном, обжигаясь, пили из блюдечка, дуя, как на чай, сидя на постели со скрещенными босыми ногами, по-персидски, и сознаваясь друг другу в нежных глупостях на чистом персидском языке. И можно было беззаветно сражаться за казенную подушку – одну на двоих, и просить воспитательницу о срочных воспитательных мерах, и без спроса целовать чернильную родинку возле рта.

А следующей ночью где-то между Ярославлем и Галичем, разбуженный храпом соседа по купе, он почему-то вспомнил ее фразу: «Мне нужен муж старый, лет сорока пяти, и молодой любовник...» И вдруг понял, что никогда не простит себе эту встречу, отнявшую последние права у маленького школьника, сочинителя великой счастливой Возможности, до которого теперь уже точно никому нет дела.

Еще он подумал, что признак взрослости – всеядность. Матерому пьянице неважно, чем гнать свое похмелье: драгоценным старинным вином, огуречным лосьоном или теми же польскими духами. Взрослый спасается чем попало от тоски и невозможности жизни.

Он вернулся из Москвы к вечеру тридцать первого декабря и сразу очутился в нарядном предновогоднем доме, где пахло мандаринами, пирогами и хвоей. Где кухня потела над неизбывным «оливье», на вешалке не хватало мест и разномастные шубы лежали вповалку. Где красили губы, шептались в прихожей, готовились к неизбежному чуду, придирчиво оглядывая себя, как перед выходом из-за кулис. Среди красивших губы была его будущая жена – самая неяркая, но самая милая. Этот розовощекий праздник захлебывался в наивных клятвах и счастливо завирался. Гости кричали – каждый свое. Потом затихали, теснясь по двое в медленном танце.

И никого уже больше не ждали.

Творческое задание

1. Прочитайте отрывок из художественного произведения и ответьте на следующие вопросы.

1) О каком русском писателе идет речь в отрывке?

2) Как вы считаете, связано ли описание внешности героя с его психологическими характеристиками? Поясните свой ответ.

3) Дайте содержательную характеристику следующим авторским выражениям: «самородок», «нестеровский юноша», «послушник», «бесшабашный рубаха-парень с тальянкой», «лицо русского херувима». Как портретные характеристики отражают отношение автора к герою и его творчеству?

Я не ошибся. Это был он. Но как он на первый взгляд был не похож на того молодого крестьянского поэта, самородка, образ которого давно уже сложился в моем воображении, когда я читал его стихи: молодой нестеровский юноша, почти отрок, послушник, среди леса тонких молодых березок легкой стопой идущий с котомкой за плечами в глухой, заповедный скит, сочинитель «Радуницы». Или бесшабашный рубаха-парень с тальянкой на ремне через плечо. Или даже Ванька-ключник, злой разлучник с обложки лубочной книжки. Словом, что угодно, но только не то, что я увидел: молодого мужчину, я бы даже сказал господина, одетого по последней парижской моде, в габардиновый светлый костюм – пиджак в талию, – брюки с хорошо выглаженной складкой, новые заграничные ботинки, весь с иголочки, только новая фетровая шляпа с широкой муаровой лентой была без обычной вмятины и сидела на голове аккуратно и выпукло, как горшок. А из-под этой парижской шляпы на меня смотрело лицо русского херувима с пасхально-румяными щечками и по-девичьи нежными голубыми глазами, в которых, впрочем, я заметил присутствие опасных чертиков, нечто настороженное: он как бы пытался понять, кто я ему буду – враг или друг? И как ему со мной держаться? Типичная русская, крестьянская черта.

(В. Катаев. Алмазный мой венец)

2. Попробуйте составить портрет-миниатюру одного из известных Вам русских писателей используя данный отрывок в качестве образца (рекомендуемый объем текста – 100-150 слов).